

Глава 1

Матильда де Салиньяк

*Сен-Жермен-де-Монброн, департамент Шаранта,
в пятницу 29 июня 1849 года*

Матильда де Салиньяк оперлась локтями о подоконник в гостиной и вдохнула аромат роз, увивавших стену дома. Яркий солнечный свет золотил ее светло-каштановые волосы, белая кожа шеи и груди казалась перламутровой. Настроение у молодой женщины было скверное: так чувствует себя дитя, у которого вот-вот отнимут любимую игрушку.

Будущность представлялась ей бесцветной, печальной. Скоро она снова заскучает, как может скучать супруга сельского доктора, которой не посчастливилось быть на десяток лет моложе своего мужа.

Хотя их брак нельзя было назвать неудачным. Матильда вышла за достойного человека, пользующегося всеобщим уважением и обладающего в Сен-Жермен обширной недвижимостью. Чета жила на широкую ногу, и в самом начале семейной жизни Матильда упивалась ролью супруги доктора, которого в этих краях все знают и почитают. Несколько лет она провела в монастырской школе и теперь наконец почувствовала себя свободной. Наконец-то она могла удовлетворить свое кокетство, свою тягу ко всем этим милым женским безделушкам! Вместе с супругом, всегда взиравшим на нее с восхищением, они начали устраивать званые вечера. Однако со временем Матильду стали утомлять одни и те же лица, а также шутки гостей, давно утратившие прелесть новизны. Ею овладела мучительная скука — источник сумасшедших

мечтаний, ставших ее единственным утешением. Ей часто приходило на ум, что здесь она не на своем месте, а лучшие годы проходят...

«Если бы только мы жили в Ангулеме! — нашептывало молодой женщине романтическое сердце. — В воскресный день ты могла бы прогуливаться по красивым городским улочкам и встречные мужчины провожали бы тебя взглядом...»

— Ты как будто вздыхаешь, Матильда, — слышался мужской голос у нее за спиной. — А я, между прочим, сегодня остаюсь дома на обед.

— Но если тебя позовут вправить кому-нибудь сустав или принять последний вздох агонизирующего старика, ты сорвешься и уедешь! — возразила молодая женщина, поворачиваясь лицом к супругу.

Доктор Колэн де Салиньяк снял очки и сложил вчерашнюю газету, которую некоторое время рассеянно перелистывал. Матильда нарочно повернулась так, чтобы пышная юбка из желтого шелка громко зашуршала. К счастью, ей не приходилось отказывать себе в удовольствии носить красивые платья и украшать корсаж кружевами и лентами: тема экономии в семье де Салиньяк никогда не поднималась.

— Ты чудо как хороша! Самая красивая женщина в городке! — торжественно объявил Колен. — И я этим горжусь, даже если твоя красота иногда навлекает на нас неприятности.

— Неприятности? Вряд ли так думает кто-то, кроме тебя, Колен. Люди склонны наговаривать друг на друга и судачить о вещах, в которых ничего не смыслят. И бедный отец Биссет за это поплатился! Он был вынужден покинуть своих прихожан.

— И ты, конечно, сожалеешь об отъезде кюре, потому что он больше не сможет составить вам с подружками компанию на пикнике? Не хочу обижать тебя, Матильда, но ты должна признать — служителю Церкви, аббату, будь он простой священник или кюре, не пристало проводить столько времени в обществе своих замужних прихожанок!

Он сопроводил свою тираду многозначительным кивком, чем еще больше огорчил супругу.

— Колен, это смешно! В наших встречах не было ничего дурного. И с каких это пор священники стали донжуанами? Это приличные люди, соблюдающие обет целомудрия и уважающие свой сан. Не разочаровывай меня, мыслить в таком ключе пристало крестьянам, а не образованному человеку! Просто не верится! Ревновать меня к юре Биссету! Да он же старше тебя, вдобавок некрасив и не блещет манерами!

— Не могу с тобой не согласиться, дорогая, но меня всегда возмущало, как он на тебя смотрит и как не спешит отпустить твою ручку...

Красавица Матильда с грустным видом устроилась в кресле, подальше от окна, и взяла из напольной корзины свое шитье.

— Что ж, буду сидеть дома и заниматься рукоделием, как положено добропорядочной даме, — проговорила она с ноткой иронии в голосе. — Тебе не о чем волноваться.

— Тут ты не права. Не сегодня-завтра нам пришлют нового юре, об этом мне сообщил мэр. Прошу, Матильда, выслушай меня внимательно. На этот раз ты не станешь навлекать на себя сплетни! Я запрещаю тебе даже подходить к нему, тем более с ним кокетничать!

Виду доктора был скорее удрученный, чем рассерженный. Он раскурил сигару и принялся мерить гостиную шагами. Супруга следила за ним глазами, сохраняя безмятежное выражение. К своим неполным сорока доктор Салиньяк успел обзавестись округлым животиком. Его виски уже начали сесть, а толстая, бычья шея летом часто краснела.

Она вышла за него десять лет назад и двадцать месяцев спустя родила сына, Жерома. Это был брак по расчету. Колен сумел завоевать ее расположение льстивыми речами и обещаниями безбедного существования и завидного социального положения.

Пока они были помолвлены, Матильда находила своего жениха галантным и даже очаровательным, несмотря на его заурядную внешность, скуластое лицо, козлиную бородку и усы, которые его старили. Но ни на мгновение не ощутила она душевного волнения, которое так часто охватывает влюбленных, того нетерпения и радости, о которых, вся трепеща, читала в любовных романах.

Тоска по потерянной молодости, принесенной в жертву этому мужчине, заставила ее едко ответить:

— Ты запрещаешь мне общаться с нашим новым кюре? Лишаешь меня права ходить на мессу, исповедоваться, причащаться? А кто же тогда преподаст нашему сыну основы веры? Кто, если не приходской священник, станет его обучать?

— Матильда, не будь ребенком! Ты прекрасно меня поняла. Я прошу только, чтобы ты и твои подруги не вели себя с ним слишком фамильярно и дружелюбно, как это было с Биссетом, от которого я наконец-то избавился!

В дверь гостиной постучали. Доктор крикнул: «Войдите!» В комнату ворвалась Сюзанна Бутен, служанка. Белый чепец ее съехал в сторону, руки были мокрые, как если бы минуту назад она мыла посуду.

— Мсье, маленький господин поранился! Бегал на улице и — па-та-тра! Упал! По-моему, споткнулся о булыжник.

— Мой бедный мальчик! — вскричала Матильда, бросаясь в вестибюль.

Супруг последовал за ней, но без излишней поспешности. Сына они нашли сидящим на траве. Коленка у него была разбита, по щекам текли слезы. Мать обняла его и осыпала мокрый от пота лобик торопливыми поцелуями.

— Папочка тебя полечит, дорогой! Не надо плакать!

Она посмотрела по сторонам. Красивый буржуазный дом, служивший им жилищем, Матильде нравился. Единственное, чего она предпочла бы больше никогда не видеть, — это три

могилы в глубине ухоженного просторного сада, оставшиеся от старинного кладбища.

— Мне не нравится смотреть на эти кресты, — в сотый раз пожаловалась она. — Колен, надеюсь, скоро их наконец перенесут в другое место. И для нашего мальчика это тоже слишком грустное зрелище.

— В том, что Жером упал, ни могилы, ни кресты не виноваты! Он носится как угорелый! Я прав, сынок?

— Я споткнулся о большой камень... там, возле могилы, — пробормотал мальчик, которому уже исполнилось восемь с половиной.

— Вот! — торжествующе вскричала Матильда. — Поговори об этом с мэром, Колен. Ты не должен оплачивать эти работы. Идем, Жером! замажем ранку йодом и наложим повязку.

Всхлипывая, мальчик встал, подал одну руку отцу, а другую — матери, и они все вместе пошли к дому. Сюзанна наблюдала за ними из кухни. Она слышала, как сокрушалась ее госпожа, но не испытывала к ней и тени сочувствия. Кому вообще нужны эти кресты и замшелые могилы? Главное — получать хорошее жалованье и чтобы хозяйка не прекратила дарить кружевные платочки, которые вдруг перестали ей нравиться.

Сен-Жермен, в субботу 30 июня 1849 года

Ролан Шарваз соскочил с подножки мальпоста¹, которым приехал из Ла-Бранд. Возница указал ему на дорогу, ведущую к городку Сен-Жермен.

— Вы не заблудитесь, отче. Это прямая дорога.

Кюре сердечно его поблагодарил. Этот тон, отработанный до автоматизма, наиболее соответствовал образу церковно-

¹ Мальпост — почтовая карета, перевозившая пассажиров и легкую почту. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)